*Константин Вадимович Григоричев,
д-р социол. наук, проректор
по науч. работе и международ.
деятельности, проф. Иркутского
государственного университета,
Иркутск, Россия*

*вед. науч. сотрудник факультета истории
и политических наук
Томского государственного университета
Томск, Россия
grigorichev@yandex.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-22-26

«ЧАСТНЫЙ СЕКТОР» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ОТ НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ К «ВНУТРЕННЕМУ ПРИГОРОДУ»

В докладе ставится проблема распространения субурбанизма как образа жизни в обширных массивах усадебной застройки, определяемых в российских городах как «частный сектор». Показывается, что «частный сектор» занимает значительную часть пространства провинциальных городов, однако специфика его постсоветских трансформаций остается вне исследовательского внимания. На основе нескольких вариантов предлагается гипотеза о том, что именно «частный сектор» и его сообщества могут выступать основным полем распространения субурбанизма в постсоветских российских городах.

Ключевые слова: субурбанизация, «частный сектор», внутренний пригород.

«Постсоциалистическая пригородная революция», фиксируемая исследователями как один из ключевых трендов городского развития постсоветских стран в последние десятилетия» [Stanilov, Sykora 2014], в российских условиях протекает заметно менее динамично. Несмотря на то, что именно пригороды крупных городов остаются единственными точками сохранения и даже роста населения [Мкртчян 2017; Григоричев, 2018], говорить о радикальном изменении роли пригородов в системе расселения в России пока сложно. Это отражается и в относи-

тельно невысоких темпах роста миграции за административную черту городов, и в сохранении модели использования загородного жилья как второго и/или сезонного в качестве базовой, и в преобладании городского «элитного» жилья в качестве признака высокого социального статуса. Пригородные поселения зачастую остаются зоной расселения мигрантов из сельской местности как эффект незавершенной советской урбанизации [Бреславский 2014], зоной вынужденного расселения горожан, вытесненных из престижных городских районов в результате реконструкций либо экономической неустроенности [Казакова 2017]. Проживание на периферии крупного города зачастую становится территориальной стигмой [Казакова 2017a], формирующей образ субурбии как социально неблагополучных окраин. Примеры массового движения горожан в пригород [Григоричев 2013] как осознанного выбора пригородного образа жизни остаются, скорее, вариантами возможного будущего, но не доминирующей тенденции.

Одна из ключевых причин такой ситуации, на мой взгляд, лежит в специфике пространственной, архитектурной и социальной организации российского города. Ускоренная советская урбанизация 1930–1950-х годов сформировала значительную специфику развития советского города, одним из проявлений которой стал так называемый «частный сектор» – районы малоэтажной усадебной застройки, складывавшиеся на основе стихийной застройки переселенцев из села, где воспроизводились сельские практики организации сообществ и повседневности. Воплощающий в себе явление, обозначенное В. Л. Глазычевым как «слободизация городов» [1995], этот социопро пространственный феномен сохраняется в большинстве российских городов за пределами столичных мегаполисов. Даже в крупнейших городах-миллионниках Сибири (Омск, Красноярск, Новосибирск) «частный сектор» занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной «не городской» организацией пространства и сообществ, накладывающие серьезный отпечаток на характер как пространственного, так и социального развития города. В менее крупных городах-региональных столицах, «частный сектор» нередко составляет большую часть застроенной территории, а проживающее здесь население – значимую часть городских сообществ.

С момента формирования данный феномен описывался во властной риторике и градостроительной документации как явление временное и для города маргинальное. Предполагалось, что в перспективе этот «побочный эффект» урбанизации уступит место плановой застройке в рамках концепции «социалистического города». Как следствие, сообщества, сформировавшиеся в районах «частного сектора», рассматривались как временные, а их «не городской» образ жизни – как переходное, временное состояние. Сохранение обширных массивов «частного сектора» в российских городах привело к консервации такой переходности на десятилетия. В результате, в российских городах сформировался феномен переходных сообществ, сохраняющих свой маргинальный статус на протяжении жизни уже двух-трех поколений. В обыденном сознании, властной риторике и, зачастую, и в немногочисленных академических текстах районы «частного сектора» априорно определяются как районы проживания маргинализированных групп и нередко дискурсивно криминализировались. Такое восприятие значительного сегмента городского пространства российских городов и проживающих в них сообществ сохраняется до настоящего времени, а представления о постсоветских трансформациях российского города на них *de facto* не распространяются.

Вместе с тем, полевые наблюдения в Омске, Хабаровске и несколько более детально изученных кейсов в Иркутске показывают, что именно «частный сектор» становится одной из важнейших пространств рецепции субурбанизма как образа жизни. Визуально наиболее заметными проявлениями проникновения пригородного образа жизни внутрь городской черты становятся анклавы коттеджной застройки, которые возникают на границах массивов «частного сектора» с престижными районами многоэтажной застройки, либо с рекреационными пространствами. Сообщества таких анклавов формируются по модели *gated community* [Low 2003], что, вероятно, отражает общую постсоветскую тенденцию пространственного и символического обособления новых элит [напр.: *Gasior-Niemiec, Glasze, Pütz* 2009; *Hirt* 2012]. Очевидные отличия от прилегающего «частного сектора» в архитектурном облике, в организации жилого пространства и усадьбы подчеркиваются иным образом и ритмом жизни.

Однако появление таких закрытых сообществ не является доминирующим вариантом проникновения субурбанизма в пределы городской

черты. Значительно большим по масштабам трендом является изменение облика основного массива частного сектора. Продолжительные (более 10 лет) наблюдения за небольшим участком «частного сектора» Иркутска позволяют предположить, что ключевой тенденцией его развития стала трансформация по модели «внутреннего пригорода». Например, одним из объектов моего наблюдения является небольшая улица в северо-западной части города, застройка которой многоэтажными домами не планируется в силу специфики грунтов (близость поймы реки), что зафиксировано в генеральном плане развития Иркутска. За время наблюдения из 47 усадеб, расположенных здесь, были полностью перестроены 12 и значительно перестроены еще 17. Новые и перестроенные дома отличаются от исходного облика «частного сектора» как новой планировкой и материалами, так и наличием полного спектра коммунальных удобств, основанных на локальных технологиях (собственные скважины водоснабжения, системы водоочистки, водоотведения и т. п.). Перестраиваются не только жилые помещения, но и пространство усадьбы, которое почти полностью утрачивает обеспечивающую функцию (как подсобное хозяйство), приобретая, преимущественно рекреационное значение. Важно подчеркнуть, что среди владельцев перестроенных усадеб присутствуют как представители коренного сообщества (второе и третье поколение, проживающих в данной локальности), так и приезжие. Вложения в капитальное строительство вместе с изменением организации пространства и функций усадеб, на мой взгляд, являются маркером рефлексивного выбора расселения вне многоэтажной застройки. Ряд интервью, собранных в подобных локальностях, подтверждают выбор такого расселения как особого образа жизни, наиболее близкого к характеристикам субурбанизма [Walks 2013].

Таким образом, мне представляется возможным предположить, что одним из наиболее массовых вариантов субурбанизации в региональных городах постсоветской России является трансформация «частного сектора» по модели внутреннего пригорода. Распространение здесь субурбанизма, несмотря на значительные масштабы, слабо рефлексивируется как в академическом, так и в управленческом дискурсе в силу стереотипного восприятия таких локальностей как маргинальных. Однако именно «частный сектор» может оказаться основным пространством распространения субурбанизма в современной России.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Глазычев В. Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М.: Аргус, 1995. – С. 63–68.

Григоричев К. В. В тени большого города. Социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 238 с.

Григоричев К. В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 175–189.

Казакова А. Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – 259 с.

Казакова А. Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. – Т. 3. – № 4(12). – С. 357–368.

Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 26–36.

Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities // East European Politics & Societies. – 2003. – Vol. 23. – N. 2. – P. 244–265.

Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. – 252 p.

Low S.M. Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America. – New York and London: Routledge, 2003. – 275 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. – 360 p.